

То, как он выглядел сейчас — словно нежная и мягкая тряпичная кукла. Послушный, при этом такой хрупкий и болезненный.

От этого зрелища взгляд Ци Цзилина стал тяжелее, он приподнял бровь, а уголки его губ тронула ленивая, дерзкая усмешка.

— Так смотришь на меня, что, хочешь, чтобы я тебя покормил?

Когда он начинал вести себя так, от него исходило столько дикой, необузданной энергии, что он даже о себе говорил как о хозяине положения, вел себя как барин.

Он, конечно, знал, что у Муму нет сил. Когда тот болел, то становился совсем как нежный цветок, который даже руки поднять не в состоянии.

— М-м, не покормишь — не буду пить.

Му Цзэлань, вспомнив горький вкус лекарственного отвара, нахмурился. Он не пил его восемь лет, и одна лишь мысль о нем заставляла чувствовать эту горечь во рту.

Его голос обычно звучал прохладно, но сейчас, из-за болезни и слабости, он стал немного хриплым и нежным, будто он капризничал.

К тому же, с самого детства он почти не выходил на улицу и не бывал на солнце, поэтому кожа его была белой, как бараний жир. Даже белее и нежнее, чем у многих девушек.

Свернувшись в одеяле, он выглядел до того мило со своим нахмуренным, болезненным выражением лица, что напоминал слабого, но необычайно прекрасного красавца.

— Решил покапризничать?

Ци Цзилин пристально наблюдал за ним, его пальцы невзначай коснулись чаши с лекарством, проверяя температуру. Узкие глаза-персики слегка прищурились, в них промелькнуло нечто опасное.

Муму должен был знать, что капризы перед ним бесполезны, да и сам он не особо любил капризничать, просто болезнь делала его таким. Однако такие моменты случались редко, и ему хотелось подольше на это посмотреть.

— Нет.

Му Цзэлань услышал собственный мягкий голос, его щеки вспыхнули, и он сделал вид, что

сохраняет полную невозмутимость.

В конце концов, он взрослый мужчина двадцати семи лет, какие тут могут быть капризы?

— Говоришь, не будешь пить, а это не капризы? Не знаю уж, кто приучил тебя к этой привычке говорить одно, а думать другое.

Ци Цзилин тихо хмыкнул, пальцами сжал его подбородок и провел большим пальцем по губам.

Место, которое он только что прикусил, слегка покраснело, щеки тоже порозовели — выглядел он невероятно аппетитно.

Его пальцы сжимали подбородок довольно сильно, в глазах вспыхнул дикий огонек, казалось, еще секунда — и он просто проглотит его целиком.

От этого сердце Му Цзэланя бешено заколотилось. Этот дикарь, когда входил в раж, не считался ни с местом, ни с обстоятельствами, если только Му Цзэлань не был болен...

Размышляя об этом, он с прохладным и нежным видом потерся подбородком о пальцы Ци Цзилина и, опустив голову, слегка прикусил его за палец.

Он не вкладывал силы, но это выглядело крайне соблазнительно.

Такой послушный, нежный, и при этом совершающий столь дерзкие поступки.

В глазах Ци Цзилина вспыхнуло дикое пламя.

— Сиди смирно, не безобразничай! Я покормлю тебя, доволен? — прорычал он сквозь зубы, будто слова вырывались прямо из глубины горла.

Он чувствовал, что Муму ему очень по душе, но не ожидал, что и он сам так сильно нравится Муму.

— Хорошо.

Му Цзэлань улыбнулся глазами и выпрямился. Он и сам не заметил, как в его обычно спокойных глазах впервые за много лет промелькнула лукавинка.

Ци Цзилин бросил на него недовольный взгляд, смирился с судьбой, взял чашу, зачерпнул ложку, подул и поднес к его губам.

Сделав лишь глоток, Му Цзэлань поморщился.

Горько.

Горечь и терпкость, идущие от вкусовых рецепторов, казалось, распространялись по всему телу.

Эту горечь он терпел больше десяти лет, потом был перерыв в восемь лет, и вот теперь, попробовав снова, он испытал странное чувство.

Он с трудом проглотил лекарство ложка за ложкой.

Когда остался последний глоток, Ци Цзилин не стал его кормить, а сам приложился к чаше и допил остатки.

Все было по-прежнему, как и раньше.

Раньше, когда он болел, А-Лин кормил его и заботился.

И каждый раз, когда оставался последний глоток лекарства, А-Лин допивал его сам.

Он ничего не говорил, просто молча делил с ним эту горечь.

Его А-Лин был именно таким — любил говорить одно, а делать другое; несмотря на то, что так сильно заботился о нем, никогда не произносил лишних слов.

В самый первый раз, когда он допил за ним, он упрямо заявил, что просто хотел попробовать на вкус.

Кто вообще захочет пробовать такое горькое лекарство? Му Цзэлань ему не верил.

Когда горечь ударила по рецепторам, Ци Цзилин лишь подумал о том, что это вкус, который он давно забыл.

Он сделал один глоток и понял, как это горько. А каково же было Муму?

Муму выпил целую чашу и ничего не сказал, был невероятно послушным.

С самого детства Муму никогда не жаловался на горечь лекарств, потому что знал — жалобы бесполезны, пить все равно придется.

Закончив, он поставил чашу на стол и взял кашу, которую приготовил, добавив туда немного сахара.

— Ешь кашу.

Ци Цзилин был немного раздражен, поднеся ложку к его губам.

— Угу.

Почувствовав вкус сладковатой каши, Му Цзэлань поднял на него глаза.

— С днем рождения.

Ци Цзилин с неловким видом фыркнул. Он вовсе не собирался устраивать Муму праздник, просто...

— Спасибо, А-Лин, тебя тоже с днем рождения.

Уголки губ Му Цзэланя поползли вверх.

Он был очень слаб, с детства не мог есть торты и многие другие продукты.

Тогда его желудок был еще слабее, он обычно мог есть только кашу, особенно любил кашу из восьми сокровищ.

Всякий раз в день рождения дедушка готовил ему эту кашу, добавлял немного сахара, и это считалось праздником.

Позже, когда дедушка скончался, кашу начал готовить А-Лин.

В обычные дни А-Лин не клал сахар в кашу, только в день рождения, и каждый раз, когда Му Цзэлань делал первый глоток, он поздравлял его.

Спустя восемь лет казалось, что время не было таким уж долгим, казалось, что ничего не изменилось, все было как в самом начале.

— Меньше болтай, я столько сварил, съешь до конца, а не то посмотришь, как я с тобой разберусь.

Ци Цзилин бросил на него косой взгляд и принялся кормить его ложка за ложкой, пока тот не

съел всю кашу. Он также скормил Муму половину порции яиц с помидорами, которые приготовил сам.

— Я наелся.

Му Цзэлань действительно был сыт. Он сказал это тихо; голова все еще кружилась, но, кажется, уже не так сильно.

— А-Лин, кажется, жар спадает.

Он сам был врачом, к тому же практиковал китайскую медицину, поэтому понимал состояние своего организма и чувствовал, что ему стало легче.

— Дай проверю.

Ци Цзилин снова приложил тыльную сторону ладони ко лбу Му Цзэланя и с облегчением выдохнул:

— И правда спал. Но все равно не смей выходить на сквозняк, поспи еще немного, одеяло не сбрасывай, скоро совсем пройдет.

Ему было не по себе от вида больного «нежного цветка».

— Хорошо.

Му Цзэлань кивнул, снова закутался в одеяло и тихо сказал:

— А-Лин, побудь со мной.

Он хотел, чтобы А-Лин обнял его.

— Подожди, доем.

Ци Цзилин, не в силах ему отказать, доел остатки, убрал посуду и только потом вернулся в кровать.

Он обнял его, балуя, как маленького ребенка.

Му Цзэлань проспал все утро, поэтому совсем не хотел спать, но голова все еще кружилась, и подняться с кровати он точно не смог бы.

Даже после еды сил у него было немного.

Закутанный в одеяло, он был похож на маленького шелкопряда, которому трудно даже повернуться.

Тем более, что поверх одеяла его прижимала большая ладонь, не давая пошевелиться или хотя бы немного приоткрыть одеяло.

<http://bllate.org/book/21914/2276787>